

Л.П. Батялова

КОММУНИКАТИВНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В МИРЕ СИМУЛЯКРОВ

В современную эпоху теория симулякров уже не носит узко философскую направленность, а приобретает мировоззренческий характер. Симулякры стали проникать в нашу жизнь, осваивая политику, искусство, экономику, СМИ, влияя тем самым на характер взаимодействия людей в обществе. В мире симуляций коммуникация меняет свой характер, направленность и уже не может осуществляться согласно законам классической рациональности. В этой связи данная работа представляет собой попытку рассмотрения возможности существования коммуникативной рациональности, основанной на неклассической эпистемологии, в мире симулякров.

Термин «рациональность» впервые появляется в науке и философии Нового времени, где происходит противопоставление знаний, полученных эмпирическим путем и знаний, основанных на теоретических построениях разума. Появляется необходимость поиска методов научного познания. Как отмечал Г.-Г. Гадамер: "Эпоха зарождающихся естественных наук стала... эпохой Рационализма, эпохой некритического расширения новой рациональности метода на метафизику"[1]. Именно в эту эпоху, когда повсеместно господствовала вера в разумное устройство бытия, когда был провозглашен культ разума, складывается классический идеал естественнонаучного знания. По оценкам многих историков философии определяющий вклад в развитии идеи рациональности внес Р. Декарт. Его суждение – «я мыслю, следовательно существую» ("cogito ergo sum") утверждает превосходство умопостигаемого над чувственным. Cogito («основа основ», «истина в последней инстанции»), понимаемая как мыслящая субстанция, дана нам непосредственно в отличии от субстанции телесной, материальной, которая опосредована ощущениями. Только разум, по Р. Декарту, может быть конечной субстанцией. Р. Декарт заложил основы и базовые аспекты теории когнитивного и рационального, представил научное знание как единую систему, а разум как основу истинного познания; последовательным рационалистом он оставался и в своем учении о душе, и в своей этике.

Таким образом, классическая концепция рациональности полагает разум как фундаментальную основу одновременно и бытия, и мышления. Рациональность понимается здесь как систематичность, внутренняя согласованность, а истинным признается знание, полученное при строгом соблюдении логических и методологических приемов и правил. Такое понимание рациональности условно называют «декартовским». Впоследствии такая гносеологическая рациональность, основы которой и заложил Р. Декарт, будет подробно рассматриваться немецким философом И. Кантом.

Другой смысл рациональность приобретает в философском учении Г.В.Ф. Гегеля, который, как известно, полагал, что весь мир представляет собой

самопознающую и саморазвивающуюся объективную идею. Идея эта познает себя не стихийно, а согласно законам логики, саморефлексивно. Человек может познать этот разумно устроенный мир, только если знаком с законами рациональности. Вспомним знаменитое выражение Гегеля «все действительное – разумно, все разумное – действительно». Такая рациональность указывает на разумное устройство объективного мира и называется онтологической.

Итак, вплоть до XX века, рациональность понималась в двух смыслах – гносеологическом и онтологическом. Но на рубеже XIX—XX веков проблема рациональности «зазвучала» по-новому. Вопросы, касающиеся разума, уже не носят узко философскую направленность, а приобретают мировоззренческий характер.

Постепенно Разум, обожествляемый Гегелем и просветителями как высшая ценность стал заменяться разумом человеческим. Происходит так называемая «секуляризация Разума». Доминирование Разума сменилось прогрессом рациональности. В этих условиях М. Вебер – знаменитый социолог и философ XX века – создает новый вид рациональности, который впоследствии стали называть «веберовской» рациональностью.

По М. Веберу рациональность не сводится ни к свойствам объективной реальности, ни к характеристикам познания. Под рациональностью он понимает высший принцип человеческой деятельности, которая обязательно должна преследовать определенную цель. М. Вебер называет такой тип действия целерациональным.

При таком понимании рациональности речь идет о предельной целесообразности, максимальном соответствии целей и средств их достижения в любой из сфер человеческой деятельности - теоретической или практической, хозяйственной или научной, политической или правовой.

В дальнейшем концепция «веберовской» рациональности была разработана представителем Франкфуртской школы Т. Адорно. Рациональность он связывает с проблемой страха перед природой и властью над ней. Разум, ранее занятый проблемой подчинения человека над природой, теперь предпочитает вопрос господства одного человека над другим. Поэтому, считает Т. Адорно, рациональность подразумевает под собой деятельность, направленную на достижение власти и насилия над другими.

Далее эта концепция получила развитие в теории социального действия Ю. Хабермаса – также представителя Франкфуртской школы. "Я испытал , - пишет Ю.Хабермас, - очень сильное влияние гегелевско-марксистской традиции, хотя первоначально я и получил в университете традиционное, в известной мере специфически немецкое образование. Однако затем я приобщился к традиции Франкфуртской школы, а после стал постепенно освобождаться от влияния предпосылок критической теории. Результатом является теория коммуникативного действия, с помощью которой я хотел бы, с одной стороны, по-новому обосновать теорию рационализации общества Макса Вебера, с другой прояснить основные вопросы этики, теории языка и деятельности, а также и понятие разума и т. п.»[3]. Анализируя опыт своих предшественников, Ю. Хабермас видит свою задачу в построении оригинальной социальной

концепции, которая позволит выявить «потенциал для разума», будет ориентирована на «понимание» и на развитие теории познания другими средствами.

Рациональность для Ю. Хабермаса - это не просто деятельность, управляемая разумом и преследующая определенную цель. Индивиды действуют не в «пустоте», а в определенной социальной среде, являясь социальными агентами, поэтому действия человека должны быть совместимы с его общением. Основанием для определения социального действия как рационального, у Ю. Хабермаса является достижение понимания: коммуницирующие субъекты совместно вырабатывают intersубъективные смыслы (цели, ценностные ориентиры и др.) и координируют свои действия в соответствии с достигнутыми соглашениями. Только деятельность, соотношенная с деятельностью других людей, будет считаться рациональной. Это и есть «коммуникативная рациональность» - коммуникативные действия рациональны, если они ориентированы исключительно на акты достижения понимания.

Коммуникативные действия, по Ю. Хабермасу, включают в себя все беседы, все нормативно – регулируемые действия и все драматургические действия. Эти действия соответственно подчинены коммуникативной рациональности. Результатом таких действий, с точки зрения Ю. Хабермаса, должно стать:

- эмпирическое и теоретическое знание, формирующееся в результате научного дискурса,

- морально-практическое знание, возникающее в результате практического дискурса,

- эстетическое – знание, возникающее в результате эстетической критики.

Дискурсом, по мнению Ю. Хабермаса, будет являться только тот диалог, который обеспечен «коммуникативной компетентностью», то есть достиг известной степени зрелости. Рациональность дискурса обнаруживается в критической рефлексии, в способности к доказательному обоснованию. Дискурс, считает Ю. Хабермас, достигается только тогда, когда общающиеся стороны достигают консенсуса и вырабатывают совместное, всем понятное и действенное мнение о предмете разговора.

Таким образом, рациональность у Ю. Хабермаса предстает в новой, современной форме в связи с коммуникационными процессами.

Идеалы классической рациональности ориентируют мышление на предельно ясные логические критерии истины. В таких условиях происходит игнорирование любых коммуникационных отношений. Но Ю. Хабермас считает, что всякое когнитивное действие происходит в рамках определенных социокультурных образований и всегда учитывает мнения и реакции окружающих. Таким образом, социокультурная обусловленность познания предполагает отказ от средств естественнонаучного дискурса классической традиции, обращаясь, прежде всего, к сфере коммуникативных отношений. В рамках коммуникативной рациональности Ю. Хабермас не признает существование единых логико-методологических процедур поиска истины, которые предполагают отказ от индивидуальных особенностей человека. Напротив, Ю. Хабермас обращается к личности, к ее структурам сознания и

общения. Важно именно то, что отличает одного человека от другого, достижение консенсуса путем диалога, взаимных компромиссов и согласований. [4]

В современную эпоху человеку приходится взаимодействовать не только с естественными условиями своего бытия и искусственно созданной культурной средой, о рациональном взаимодействии в которой и рассуждал Ю. Хабермас, но и со средой виртуальной, которая предполагает качественно новое отношение к окружающей действительности и иное понимание самого процесса познания. «Виртуальная реальность» все прочнее входит в повседневную жизнь, симулируя наше бытие – вещи, поступки, общение. Взамен «мыслю, следовательно существую» Р. Декарта и «существовать, значит быть воспринимаемым» Д. Беркли, все чаще приходится слышать «существовать, значит быть показанным». Если тебя нет на экране телевизора или компьютера – значит, ты не существуешь вовсе.

Рассматривая феномен коммуникативной рациональности в мире симуляций, нам необходимо обратиться к теоретическим разработкам данного понятия в современной философии, а именно к философии постмодернизма. Проблема «виртуальной реальности» в онтологической перспективе, которая предполагает относительность реальной действительности и возможность множественности миров рассматривалась в работах таких авторов, как М. Хейм, Ж. Делез, С. Жижек, Н. Карпицкий, А. Ю. Севальников и др.

Но в рамках данного исследования нам видится целесообразным обратиться к концепции «виртуальной реальности» одного из самых знаменитых и выдающихся мыслителей современности Ж. Бодрийяру. В своих работах философ обращается к феномену симуляции и предлагает видение реальности сквозь призму наличия в ней симулякров. Симулякр – это понятие, означающее образ отсутствующей действительности. Еще Платон понимал под симулякром «копию копий», а в оборот постмодернизма этот термин был впервые введен Ж. Батаем, впоследствии разрабатывался Ж. Делезом, П. Клоссовски и др. Но наиболее яркое воплощение получил в философии Ж. Бодрийяра.

В ситуации постмодерна, где реальность превращается в модель, оппозиция между действительностью и знаками стирается и все становится симулякром. Ж. Бодрийяр уверен, что принцип неопределенности господствует во всей социокультурной сфере. Знак теряет своих референтов и начинает существовать сам по себе. Реальность заменяется знаками реального, гиперреальностью, а мир симулякров существует и воспроизводится не зависимо от реальности. В пространстве симуляции реальное время переходит в разряд гиперреального, а все объекты превращаются в антирепрезентативные знаки, как в художественном, так и в аксиологическом, религиозном, этическом смыслах. Ж. Бодрийяр связывает истоки подмены реальности гиперреальностью с научной рациональностью и ее критериями истинности знания. Эксперимент, который в рамках классической рациональности является таким критерием, согласно Ж. Бодрийяру, удваивает реальность. Эксперимент в обязательном порядке должен быть воспроизводимым, что неизбежно

приводит к неуправляемому процессу размножения вещей, вплоть до замещения реальности ее виртуальными копиями. «Само определение реальности, - пишет Ж. Бодрийяр, - гласит: это то, что можно эквивалентно воспроизвести. Такое определение возникло одновременно с наукой, постулирующей, что любой процесс можно точно воспроизвести в заданных условиях... В итоге этого воспроизводительного процесса оказывается, что реальность – не просто то, что можно воспроизвести, а то, что всегда уже воспроизведено. Гиперреальность»[5].

Ж. Бодрийяр выделяет три стадии развития симулякров и связывает их с этапами развития ценностей:

Порядок симулякра	Исторический отрезок времени	Закон функционирования
1. Подделка	«Классическая эпоха»: от Возрождения до промышленной революции	Естественный закон ценности
2. Производство	Промышленная эпоха	Рыночный закон стоимости
3. Симуляция	Современность	Структурный закон ценности

При этом, в первых двух случаях, когда симулякр выступает в форме подделки и производства, происходит воспроизведение исключительно материальных вещей. Но собственно симуляция, по Ж. Бодрийяру, касается скорее процессов и символических сущностей.

Получается, что в мире симулякров мы не сможем отыскать действительной реальности за каким-либо объектом: за символом стоит символ, знак оказывается самореферентен. Хорошим примером этого может служить фильм «Плутовство», где ради цели – отвлечь внимание от скандала с президентом, на экранах телевизоров разыгрывается «настоящая» война, которая в действительности не существует. Другой пример - реклама, которая вызывает в нас несуществующие потребности в определенном товаре.

Реальность, согласно Ж. Бодрийяру, должна содержать в себе ценностный, смысловой компонент, тогда как виртуальный мир предполагает наличие только знаков реального. В гиперреальности происходит замена смысла образом отсутствующей действительности—симулякром. Это означает, что Ж. Бодрийяр фактически отождествляет виртуальную реальность с гиперреальностью: «Понятие виртуального...совпадает с понятием гиперреальности, то есть реальности виртуальной, реальности, которая, будучи, по-видимому, абсолютно гомогенизированной, «цифровой», «операциональной», в силу своего совершенства, своей контролируемости и своей непротиворечивости заменяет все иное» [6]. Реальность, по Ж. Бодрийяру, заменяется более яркими, но пустыми образами действительного, эффектами истины и объективности. Гиперреальность оказывается «реальнее»

самой реальности. По замечанию С. Жижека, реальность теряет свою субстанцию и виртуальное воспринимается как реальное подобно тому, «как кофе без кофеина обладает запахом и вкусом кофе, но им не является».

Таким образом, Ж. Бодрийяр утверждает ситуацию тотального властвования симулякров, что, по его мнению, ведет к унижению реального времени и пространства и заменой его виртуальной темпоральностью. Для понимания этой темпоральности и для возможности существовать в ней необходима «новая рациональность», которая должна вобрать в себя, либо преодолеть множественность виртуальных миров гиперреальности. Отсюда неприятие Ж. Бодрийяром научной рациональности и ее принципов. Объективность, например, понимается мыслителем как особый способ существования симулякров. «Наука, - пишет Ж. Бодрийяр, - объясняет вещи, предварительно выделенные и формализованные, чтобы ей повиноваться, — только в том и состоит ее «объективность»; а этика, санкционирующая подобное объективное познание, представляет собой просто систему защиты и неузнавания, направленную на сохранение этого порочного круга»[5]. Отсюда, наука и научная рациональность, по Ж. Бодрийяру, есть простое «скопище разнопорядковых симулякров». Мыслитель уничтожает всякую претензию на научность и истину ставя на их место симуляцию и симулякр. Истина подменяется многочисленными симулякрами, которые сама же и плодит. Наука – ложна, делает заключение Ж. Бодрийяр.

Так если научной рациональности в мире симулякров нет места, то может ли в этом мире существовать и действовать рациональность коммуникативная, предложенная современником Ж. Бодрийяра Ю. Хабермасом.

Ю. Хабермас, как уже отмечалось выше, строит образ неклассической эпистемологии с такими характерными чертами как процессуальность, относительность, вариантность, а также аналитичность и рефлексивность позиции субъекта. Его интересует позиция субъекта в культуре: представление о том, каков он есть и каким должен быть. Культура рассматривается как путь к субъекту, его самосознанию. Субъект не копирует объект, а вступает с ним в отношение коммуникативного действия. Происходит возврат к знанию — представлению, но представление здесь служит выражением и субъекта и объективного мира, являясь продуктом их отношений (см. подробнее [7]).

Для Ж. Бодрийяра очевидно, что наступает новая эра передачи информации – эра симуляций. Реальность, которая старается бороться за объективность и бинарность оппозиций, уступает место гиперреальности, где объективность становится симулякром, а классические оппозиции (добро – зло, человеческое – нечеловеческое) ликвидируются. Социальность, в которой находит себя коммуникативная рациональность Ю. Хабермаса, приобретает в концепции Ж. Бодрийяра неотъемлемую часть в виде симулякров.

Как считает Ж. Батай, симулякр получает осмысленность только в процессе коммуникации, общения. Для этого необходимо, чтобы объект получил и актуализировал заложенные субъектом коннотативные аспекты симулякра. Для Ж. Батая важно, чтобы в ходе передачи информации произошла реконструкция того смысла, который заложил адресант.

Симулякр в концепциях постмодернистов становится особым средством общения, который позволяет проникнуть в сознание другого: «симулякр есть ... сообщничество», говорит Клоссовски. В рамках такого «сообщничества» по мнению Ж. Бодрийера научная рациональность не действует, что отмечалось выше. На наш взгляд, коммуникативная рациональность, перспективы развития которой далеко не исчерпаны, с такими характеристиками как относительность и вариативность, может чувствовать себя в мире симулякров вполне уместно. Ведь если вся политическая, экономическая, социальная и др. реальность изначально включает в себя аспект гиперреализма, то рациональность также должна измениться. Коммуникативная рациональность, представленная Ю. Хабермасом как основа современного познания, имеет социокультурную обусловленность и вынуждена пребывать в этой гиперреальности. Так может она будет той «новой рациональностью», о которой говорил Ж. Бодрийер? Рациональностью, которая станет важным элементом в мире симулякров, в мире, в котором нам приходится существовать.

Библиографический список:

1. Автономова Н.С. Рассудок - Разум - Рациональность. - М.: Наука, 1988. С.5.
2. Громов И.А., Мацкевич А.Ю. Западная теоретическая социология. Теория коммуникативного действия. Ю. Хабермас. URL: http://society.polbu.ru/gromovsociology/ch38_i.html
3. Липский Б.И. Рациональность, истина, коммуникация. Человек-Философия-Гуманизм: Тезисы докладов и выступлений Первого Российского философского конгресса (4–7 июня 1997 г.). В 7 томах. Т. 3. Онтология, гносеология, логика и аналитическая философия – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1997. – С. 85-87.
4. Бодрийер, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийер; пер. с франц. С. Н. Зенкина. – М., 2000. С. 151, 132.
5. Бодрийер, Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / Ж. Бодрийер; пер. с франц. Н. Сулова. – Екатеринбург, 2006. С. 20.
6. Фарман Т. Социально -культурные проекты Юргена Хабермаса. / Рос. акад. наук. Ин-т философии. — М.: ИФРАН, 1999.